

МАТЕРИАЛЫ НКВД И МГБ УССР КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УКРАИНЫ
В 1943–1950 гг.

ТАТАРИНОВ И. Е.

MATERIALS OF UKRAINIAN
SOVIET SOCIALIST REPUBLIC
PEOPLE'S COMMISSARIAT FOR IN-
TERNAL AFFAIRS (NKVD) AND MIN-
ISTRY OF STATE SECURITY (MGB)
AS THE SOURCE OF UKRAINIAN UR-
BAN POPULATION DAILY LIFE
STUDY IN 1943–1950

TATARINOV I. E.

В статье анализируются материалы НКВД Украинской ССР как источник изучения материально-бытовых условий жизни и социальных настроений городского населения УССР в годы восстановления народного хозяйства республики.

The article analyses Ukrainian SSR People's Commissariat for Internal Affairs materials as a source of Ukrainian SSR urban population housing conditions and social climate study during republic's national economy rehabilitation, gives an estimation of public authorities activities, concerning war effects overcome by urban population basing on study and generalization of intelligent correspondence screening by Ukrainian SSR People's Commissariat for Internal Affairs and Ministry of State Security military censorship materials of 1943–1950.

Ключевые слова: НКВД УССР, военная цензура, корреспонденция, повседневная жизнь, городское население.

Keywords: Ukrainian SSR People's Commissariat for Internal Affairs, military censorship, correspondence, daily life, urban population.

УДК 911.375.64:728

Длительное время отечественная историческая наука была лишена возможности объективно и всесторонне исследовать проблемы уровня жизни населения, материального благосостояния, жилья, быта, досуга трудящихся. Отсутствие специального доступа к архивным документам существенно снижало возможности историков исследовать определенные проблемы. Как результат научная база большинства работ советского периода была ограничена официальными документами, которые не всегда объективно отражали действительность. Наиболее ценные документы хранились под грифами «Секретно» и «Совершенно секретно» в закрытых спецфондах. Однако после распада СССР перед учеными-историками открылись двери специальных фондов, которые ранее были недоступными для большинства исследователей. Порой именно эти материалы позволяют наиболее полно и достоверно изучить целый ряд вопросов послевоенной истории.

После 1991 г. начался масштабный процесс рассекречивания архивных документов, что существенно расширило возможности историков по исследованию послевоенной повседневности. Среди архивных материалов исследуемого периода следует выделить некоторые недавно открытые документы органов НКВД/МГБ Украинской ССР, которые содержат исчерпывающие сведения по интересующей нас проблематике. Особенно активно работает по данному вопросу коллектив Института истории Украины НАН Украины, выпуская с 1994 г. очень содержательный сборник «3 архівів ВУЧК—ГПУ—НКВД—КГБ» [1]. На сегодняшний день опубликовано 20 выпусков сборников документов, которые размещены на официальном сайте института. Следует выделить также исследования Т. Вронской [2], М. Лободы [3], Е. Хойнацкой [4], где освещен широкий круг вопросов, связанных с материально-бытовыми условиями жизни горожан, введен в научный обиход значительный массив ранее засекреченных и малоизвестных архивных документов спецслужб УССР. Таким образом, архивные материалы украинских органов государственной безо-

пасности являются одними из ключевых источников изучения повседневной жизни городского населения СССР в 1943—1950 гг. Определенные достижения в этом вопросе имеют и российские ученые. В частности, следует отметить сборник документов «История советской политической цензуры. Документы и комментарии. 1917—1993» [5]. Заслуживают внимания работы Е. Ю. Зубковой [6], В. Ф. Зимы [7], А. В. Блюма [8]. Опираясь на малоизученные документы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), областных архивов, документы спецслужб, авторы создали комплексные исследования по отдельным аспектам повседневной жизни населения в 1940—1950-х гг.

Радость победы в Великой Отечественной войне была омрачена огромным количеством человеческих жертв и масштабно-стью разрушений. В Украинской ССР погиб каждый третий житель, было разрушено более половины жилищного фонда (40 млн м²), 2/3 промышленных предприятий и объектов социально-бытового назначения [9]. Одной из характерных особенностей периода было то, что восстановительные работы начинались сразу же после освобождения определенного района от оккупантов. Предстояло выполнить одну из наиболее сложных задач — возродить промышленные предприятия, разрушенные в годы войны, и достичь довоенного уровня производства. Обездоленным людям предстояло решить множество повседневных проблем: найти пригодное для проживания жилье, продукты, одежду, топливо, лекарства и пр. Следует отметить, что в чрезвычайно насыщенные трудностями послевоенные годы на плечи простых тружеников лег основной груз восстановления страны. Власть пыталась отвлечь население от тягот разрухи активной пропагандой. Ежедневно, используя все доступные средства массовой информации, проводя многочисленные «агитационно-разъяснительные» мероприятия, руководству страны удалось сформировать у населения определенный стереотип «правильного» восприятия окружающей действительности. Культивировались мифы о «враждебном внешнем окружении», снова появились многочисленные «враги народа», «вредители», «шпионы» и «саботажники». Однако даже ценой максимального напряжения усилий не удалось заставить всех граждан поверить официальной ин-

формации. Суровая повседневность порой брала верх над советским официозом.

Еще в 1921 г., в рамках ОГПУ был организован отдел политконтроля, который занимался перлюстрацией почтово-телеграфной корреспонденции. Помимо перлюстрации и изъятия корреспонденции, сотрудники этой службы вели наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые и вывозимые из страны печатные издания, полиграфическую и кинопродукцию, осуществляли политический контроль за деятельностью театров и кинотеатров [10]. Регулярное отслеживание малейших колебаний общественного мнения также входило в обязанности этих органов. 25 февраля 1946 г. было принято Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о цензуре информации из СССР, которое еще больше расширяло полномочия органов цензуры.

Наиболее многочисленную группу архивных документов НКВД/МГБ СССР составляют материалы, которые хранятся в Архиве Службы безопасности Украины. Как и прежде для большинства исследователей они недоступны. На этом фоне особенное значение приобретают документы спецслужб, которые хранятся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины (ЦГАОО Украины). Для нашей проблематики наибольший интерес представляют материалы фонда П-1 (Центральный комитет Коммунистической партии Украины). Наиболее полная информация содержится в документах описей № 23—24 (особый сектор — секретная часть). Эти уникальные документы оказали значительную помощь в исследовании бытовых проблем населения Украинской ССР, установлении уровня и качества жизни трудящихся [11]. Вышеупомянутые описи особого сектора — секретной части ЦГАОО Украины содержат также информацию об условиях труда, уровне производственного травматизма, охране здоровья трудящихся, характеризуют основные мероприятия по предотвращению несчастных случаев на производстве [12].

Документы военной цензуры НКГБ СССР, которые частично хранятся в ЦГАОО Украины, небезосновательно вызывают особый интерес историков. Сотрудники госбезопасности негласно проверяли корреспонденцию городского населения Украины и составляли по материалам проверок соответствующие отчеты. На фоне общего позитивного отношения трудящихся к власти выявлялось значительное количество кри-

тических высказываний в адрес нерадивых руководителей предприятий и организаций республики. Например, только за декабрь 1944 г. по всей территории УССР было выявлено 4582 письма с жалобами на тяжелые условия труда и жилищно-бытовые проблемы. Годовая статистика была еще более впечатляющей: было зафиксировано свыше 40 тыс. аналогичных писем. Материалы оперативно-следственной работы военной цензуры НКГБ УССР позволяют выделить наиболее острые проблемы послевоенной повседневности [13].

Характерной особенностью 1940—1950-х гг. было то, что к тяжелой промышленности было приковано особое внимание как партийных и хозяйственных органов, так и органов государственной безопасности. Считалось, что именно эта группа отраслей позволит СССР догнать в «гонке вооружений» экономически более развитые страны Запада и обеспечить определенный перевес. В связи с этим представляют интерес отчеты НКВД и МГБ УССР о наблюдениях за промышленностью. Заметим, что несмотря на существующие мифы о якобы «закрытости информации и нежелании делиться ею с партийными органами», спецслужбы охотно информировали партийное руководство УССР. Так, отметим спецсообщение главы МГБ УССР в Сталинской (ныне г. Донецк) области на имя первого секретаря ЦК КП(б)У Л. Мельникова о работе металлургических предприятий области. В сообщении отмечалось, что на протяжении 1948—1949 гг. на металлургических предприятиях на фоне повышения производственных планов и отсутствия эффективной охраны труда резко повысились показатели производственного травматизма, в том числе со смертельным исходом.

В конце 1940-х гг. сотрудники госбезопасности зафиксировали «значительный рост отрицательных настроений, особенно среди молодежи и учащихся ФЗО/ПУ». Например, инженер Рутченковского коксохимзавода С. Фарафонов в мае 1948 г. утверждал: «... Сейчас сделан упор на подбор кадров по принципу политической благонадежности, происходит серьезная чистка. Металлургия работает исключительно плохо. Это возможно имеет связь с проводимой чисткой. Ряд хороших работников освобождены от работы, а это не могло не сказаться на работе...». Фарафонову вторил начальник доменного цеха Сталинского металлургического завода Б. Тавров. Он говорил: «... Критиковать высшее начальство — это одно и то

же, что лить воду против ветра, все равно она на тебя же и упадет, поэтому лучше не выступать» [14]. Аналогичные высказывания в среде рабочих и ИТР зафиксированы спецслужбами и в других отраслях тяжелой промышленности. Архивные документы отчетливо свидетельствуют о полной зависимости трудящихся от командно-административной системы, которая использовала трудовые ресурсы с максимальной отдачей.

В архивных учреждениях Украины сберегаются документы, на которых еще виднеются грифы «совершенно секретно», «читальный зал не выдавать» и т. п. Особенно интересны для исследователей послевоенной повседневности папки «Информация о политических настроениях населения», которые формировались на основании негласной проверки корреспонденции и сборе «устной» информации, переданной доносчиками-осведомителями. Например, западноукраинское студенчество вызывало справедливое беспокойство органов безопасности, в среде которого всегда царили антисоветские настроения. Так, только за период с 1.12.1949 по 22.4.1950 г. из вузов Львова исключили 237 студентов, «не внушающих политического доверия» и по другим причинам. В студенческой среде царили такие разговоры: «...Мне смешно, потому что мы рассказываем о заботе правительства и о хорошей жизни народа, а ведь местные до советской власти жили лучше...». Скептически относились к выборам в Верховный Совет СССР и к общесоюзным праздникам: «...Все это ложь и обман, и здесь и за границей. Все равно не мы выбираем, а только голосуем за тех, кого заранее назначили. Говорят, что голосование тайное, но смотрят, чтобы никто не зачеркнул бюллетень». Студент Львовского медицинского института Р. Яворский по поводу годовщины Великой Октябрьской социалистической революции говорил следующее: «...Этот праздник не для меня и я не считаю его за праздник...». Еще более показательны высказывание студента Львовского ветзоотехникума Н. Мастюка: «...Если мне на демонстрации дадут нести портрет или лозунг, то я его незаметно выброшу...». Критиковали студенты и колхозный строй: «...Единоличное хозяйство намного лучше колхозов. Несмотря на то, что крестьян сейчас принуждают вступать в эти колхозы, мои родные воздержались от вступления...» [15]. Таким образом, материалы органов госбезопасности о политических настроениях населения

УССР позволяют дополнить картину послевоенной повседневности.

Следует отметить, что одной из характерных особенностей советской системы государственной безопасности был тотальный контроль за всеми сферами общественной жизни, причем спецслужбы фокусировали свое внимание на рядовых гражданах, а также на высших партийных и государственных руководителях. Например, представляют определенный интерес архивные документы 1946 г. с компрометирующим материалом В. Т. Бобыря на третьего секретаря Одесского обкома КП(б)У. Органы безопасности установили, что данный руководитель длительное время, используя свое служебное положение, занимался «самоснабжением». Произвел ремонт за счет обкома КП(б)У на сумму 27280 руб., а также обставил личную квартиру дорогостоящей мебелью. Сотрудники НКВД выявили, что партийный функционер присвоил 15 пар модельной обуви, семь дамских платьев, четыре мужских костюма. Всего через городской финотдел В. Бобырь набрал различного имущества на сумму более 15 тыс. руб. Интересный факт, что в том же году органами внутренних дел были проведены масштабные проверки нескольких одесских фабрик. В частности, обнаружено, что на Одесской модельной фабрике разбазарено более 500 пар обуви, при этом начальник обллегпрома незаконно получил 21 пару обуви [16]. Следует заметить, что обувь в 1940-е гг. стоила достаточно дорого, а учитывая малые объемы выпуска, эта продукция была остродефицитной и оставалась предметом мечтаний для большинства населения Украинской ССР.

НКВД УССР в 1940-е гг. фиксировал и более «откровенные» правонарушения со стороны чиновников наивысшего ранга. Например, заслуживает внимания компромат на заместителя министра социального обеспечения Н. А. Цыбу. Проверкой установлено, что в 1947 г. чиновник приобрел на рынке г. Львова мебель, используя при оплате фиктивные документы. Кроме того, Н. Цыба допустил растрату государственных средств, которые предназначались для протезирования инвалидов [17]. Решение о привлечении к уголовной ответственности партийных и государственных чиновников столь высокого ранга принимали в верхах, т. е. в столице — Киеве. И, как правило, ограничивались административными или дисциплинарными мерами (выговор, стро-

гий выговор, перевод на менее ответственную работу либо в другой регион).

Трудности восстановления республики существенно влияли на социальные настроения в обществе. К концу первой послевоенной пятилетки (1946—1950) власти удалось восстановить тяжелую промышленность, в то же время уровень жизни населения УССР оставался на низком уровне. Горожане по-прежнему ощущали дефицит качественного продовольствия и промышленных товаров, получали низкую заработную плату, стояли в бесконечных очередях, проживали в антисанитарных условиях, зачастую не имея даже элементарных бытовых условий. Все это сказывалось в первую очередь на настроениях в обществе. Простых граждан волновали самые насущные вопросы: снижение цен, улучшение качества продукции и товарного ассортимента, повышение зарплаты, расширение жилья, улучшение условий работы. Эти проблемы придали специфическое понимание окружающей действительности. Например, рабочий Львовского облторга С. Щербаков говорил в беседе с коллегой: «...Нам скорее войну преподнесут, чем переоценку и снижение цен. Наше правительство сейчас собирает буквально все копейки на вооружение страны, даже на военных наложили налог...» [18].

В послевоенное время советской пропагандистской машиной культивировался миф о возможном конфликте со странами несоциалистического лагеря. Люди, пережившие войну, встревожено относились к этому. Так, студенчество Западной Украины высказывалось: «...В случае возможной войны необходимо скрыться в целях уклонения от службы в армии и возможного ареста, т. к. перед началом войны всех подозрительных лиц будут арестовывать. Хорошо было бы после начала войны связаться с подпольем ОУН или выехать в свой район и создать организацию ОУН для ведения борьбы против власти» [19].

Таким образом, на данный момент в архивных учреждениях Украины и Российской Федерации сконцентрирован значительный по объему и степени информативности массив документов украинских спецслужб, который дает возможность всесторонне проанализировать материально-бытовые условия жизни работников тяжелой промышленности Украинской ССР в 1943—1950 гг. Упомянутые выше архивные документы составляют единый комплекс, который отображает все основные аспекты

повседневной жизни трудящихся. Эти материалы взаимодополняют друг друга, что позволяет комплексно изучить проблему. В то же время следует указать, что для максимально точного отображения панорамы повседневной жизни городского населения Украинской ССР в эти годы следует привлечь и другие источники, в первую очередь материалы периодики, официальную статистическую информацию. Очень важно также использовать источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания, рассказы очевидцев событий), которые фиксируют, как правило, личностный опыт восприятия существующей реальности. В процессе исследования данной проблематики суть работы ученых-историков заключается в собрании максимального количества

материалов на основе изучения широкого круга источников. Следует заметить, что зачастую именно материалы НКВД — МГБ УССР содержат основной массив необходимой информации по нашей проблеме. Сопоставление различных источников расширяет возможности исследователей для выявления неточностей и фальсификаций, позволяет наиболее полно и объективно выявить особенности повседневной жизни работников тяжелой промышленности Украинской ССР. На наш взгляд, углубленное изучение жизни и быта отдельных категорий населения является особенно перспективным направлением исследования отечественной истории послевоенного периода и будет способствовать созданию целостной картины отображения повседневности.

Примечания

1. См.: 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. Харьков, 2009. № 2 (33). 488 с.
2. Вронська Т. В. В умовах війни. Життя та побут населення України (1943—1945 рр.). К.: Ін-т історії України НАН України. 1995. 83 с.
3. Лобода М. К. До проблеми відбудови важкої промисловості 1943—1950: охорона та умови праці робітників і службовців // Укр. історичний збірник. К.: Ін-т історії України НАН України, 2006. Вип. 9. С. 247—259.; Смольницька М., Лобода М. Матеріально-побутове становище робітників і службовців підприємств важкої промисловості України (1943—1950 рр.) // Україна ХХ ст.: культура, ідеологія, політика. Київ: Ін-т історії України НАН України, 2008. № 14. С. 78—94.
4. Хойнацька Л. М. Відновлення машинобудівної індустрії України та його соціальні наслідки (1943—1950 рр.). К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. —232 с.
5. История советской политической цензуры. Документы и комментарии. 1917—1993" / Отв. сост. и рук. творч. кол. Т. М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.
6. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М.: Россия молодая, 1993. 201 с.; Послевоенное советское общество: политика и повседневность 1945—1953 гг. М.: РОССПЭН, 1999. 230 с.; Зубкова Е. Ю. Советская жизнь. 1945—1953.: Сб. док. / Сост. Е. Ю. Зубкова, Л. П. Кошелева, Г. А. Кузнецова и др. М.: РОССПЭН, 2003. 730 с.
7. Зима В. Ф. Голод в России 1946—1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1. С. 47—59.; Голод в СССР 1946—1947 гг.: происхождение и последствия. М.: Ин-т истории РАН. 1996. 245 с.
8. Блюм А. В. Советская цензура эпохи тотального террора. 1929—1953. СПб., 2000. 312 с.
9. Ковпак Л. В. Соціально-побутові умови життя населення України в другій половині ХХ століття. (1945—2000 рр.). К.: Ін-т історії України НАН України, 2003. С. 31—32.
10. Колпакиди А., Серяков М. Щит и меч. М.: Olma Media Group, 2002. С. 357—358.
11. Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОО Украины). Ф. 1. Оп. 23. Д. 2359, 3581, 3962, 4103, 4587, 4626, 4674, 4872, 5130, 5190; Оп. 24. Д. 113, 115, 118—122, 148, 410, 1206.
12. Там же. Оп. 30. Д. 425, 1662, 2126, 2340, 2681, 2776, 3093, 3456, 3818, 3880; Оп. 31. Д. 193, 583.
13. Там же. Оп. 23. Д. 2359.
14. Там же. Оп. 24. Д. 121.
15. Там же. Д. 15. Л. 1—17.
16. Там же. Оп. 23. Д. 4103. Л. 1—3.
17. Там же. Д. 4178. Л. 2—3.

Сведения об авторе:

Татаринев Игорь Евгеньевич,

н. с. ГУ «Научно-исследовательского института социально-трудовых отношений Министерства труда и социальной политики Украины», магистр истории (Украина, Луганск).

E-mail: history@lds.net.ua.